

Уланович О.И., Мамайко С.Г.
Белорусский государственный университет, Минск

КОГНИТИВНЫЙ И КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ В МЕДИАТИЗИРОВАННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Основным стилем информационного обмена в масс-медийном пространстве является публицистический, коммуникативно-функциональное своеобразие которого в политическом дискурсе заключается в реализации информационно-воздействующей функции через политический маркетинг, имиджмейкинг и PR. С точки зрения языкового инструментария экспрессивность в англоязычной публицистике достигается посредством таких вербальных средств как фразеоломинанты, клише, обширный синонимический ряд, тропы и фигуры речи. В контексте синтаксической организации текста экспрессивность выражается за счет использования параллелизма, повторов, вводных конструкций, вопросительных и восклицательных предложений, инверсии и т. д. В целом, важно отметить наличие фонографической, лексико-грамматической, текстовой и других видов экспрессивности: ее полимодальный и полисемиотический характер.

Современный язык медиаполитической коммуникации выступает как «стилистически изощренный материал» [1, с. 131], который с целью обеспечения функции принуждения к ангажированному видению реальности предстает как динамичный, эволюционирующий и совершенствующийся когнитивный инструмент, находящийся в постоянном «поиске выразительных средств, в поиске нового» [2, с. 205]: новых изящных и многослойных средств политического фрейминга и имидж-моделирования. Можно утверждать, что из всего массива интерпретативно разнообразных средств *языковая метафора* обладает максимальным экспрессивным потенциалом как инструмент политического медиафрейминга и «театрализации» политических субъектов.

Наше исследование моделирующего потенциала, экспрессивных, оценочных и образных характеристик метафоры в контексте масс-медийного политического пространства построено на материале речи Б. Обамы «Remarks by President Obama in Address to the United Nations

General Assembly» (24 сент. 2014 г.) [4]. Изучение дискурсивного образца предполагало вычленение всех присутствующих в речи метафор и последующий семантический и компонентный анализ всего массива метафор с выявлением: 1) всех объектов метафорической характеристики, 2) доминирующих и второстепенных отсылочных образов, 3) сфер экспансии отсылочных образов.

Сфера-мишень метафорического переноса во всех выделенных тропях метафорического типа в обобщенном смысле может быть определена как «эпоха». Замеченный факт, с одной стороны, может рассматриваться как характеристика конкретного образца дискурсивной практики. С другой стороны, оправданным видится предположение о примате именно этой сферы метафорического переноса в современном политическом дискурсе в целом, что предопределяется самой спецификой политического общения. Политическая коммуникация выступает как персуазивно манипулятивное взаимодействие субъектов политики в процессе борьбы за власть или ее осуществление; как специфический вид политических отношений или же процесс, посредством которого доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей своего времени; как функциональная сфера политической системы общества. Из этого следует, что политическая коммуникация охватывает все многообразие социально-политических связей: как межличностные и массовые, так и специальные, что и является доказательством того, что политическая метафора охватывает не что иное как целую эпоху.

Объектами характеристики метафорического переноса, как это обозначено в анализируемой речи Б. Обамы, являются: а) политическая обстановка в мире, б) бедность как явление эпохи, в) Россия – субъект политики, г) Америка – субъект политики, д) экстремизм, экстремистская идеология и средства противодействия экстремизму, е) мировые субъекты политики (страны, нации, народы), ж) мировая экономика и др.

Структурно-семантический анализ выделенных нами в тексте с помощью метода сплошной выборки политических метафор (44 единицы) обнаруживает, что сферами экспансии – сферами образного метафорического сравнения – являются **мир живой и органической природы, артефактный мир** человеческого бытия, а также, в меньшей степени, сам **человек** в его физическом, психическом и социальном существовании.

Наиболее репрезентативной сферой экспансии метафорического образа является **мир живой и неживой природы** (19 единиц, 43%)

в широком разнообразии отсылочных объектов: *shadow, darkness, swamp, root, path, abyss, fertile ground* и др.: *The shadow of World War that existed at the founding of this institution has been lifted and the prospect of war between major powers reduced* ('тень мировой войны').

Замечено, что метафорические образы мира природы атрибутируются без исключения всем выявленным в выступлении объектам метафорической характеристики: *политическая обстановка в мире, субъекты мировой политики, воинствующий экстремизм и экстремистская идеология* и т. д. Столь активная метафорическая эксплуатация этой сферы, думается, не случайна: явления природы в большинстве своем неконтролируемы и нерегулируемы, что акцентирует в речи Б. Обамы его отношение к враждебным политическим силам (экстремизму, в частности) как к стихийному, массовому и безотчетному явлению. Например: а) *one issue risks a cycle of conflict* – 'одна проблема чревата порождением цикла конфликтов' (букв. способна запустить 'круговорот' конфликтов, как некий природный и самопроизвольный цикл); б) *we can be swamped* – 'нас захлестнет' (букв. затопит / затянет в трясину / топь); в) *the flow of fighters into and out of the region* – 'движение потока боевиков в обоих направлениях'; г) *undertow of instability* – 'подводное течение нестабильности' и др.

Анализ экспериментального корпуса позволил также выявить случаи формирования метафор как *косвенной вторичной* номинации. *Вторичной*, поскольку имеет место использование «уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [3, с. 118], что является неотъемлемой характеристикой метафоры в целом. *Косвенной*, поскольку «связь между новым смыслом имени и действительностью всегда комбинаторно опосредована другим отношением именованного» [3, с. 127]. В частности, метафорический образ формируется посредством приписывания объекту характеристики способа и образа действий, характерных для отсылочного образа.

Так, фраза *the days when large nations trampled small ones* ассоциативно отсылает понятие «многочисленного народа / наций» к образу стада животных, которое топчет (*tramples*) малые народы и идет напролом. В следующем примере «водный» глагол создает имплицитно образ страны (России) как объекта водной стихии (в данном случае, мощного, непреодолимого потока): *Russia poured arms into eastern Ukraine* – букв. 'Россия затопила (наводнила) оружием восточную Украину'. А акцентирование Б. Обамой идеи, что без материальной и моральной поддержки воинствующий экстремизм *will wilt and die* ('завянет и умрет') позволяет представить это мировое зло

в виде живого организма: *The ideology of ISIL or al Qaeda or Boko Haram will wilt and die if it is consistently exposed and confronted and refuted in the light of day* – ‘Идеология ИГИЛ, или Аль-Каиды, или Боко Харам завянет и погибнет (иссякнет) в случае ее планомерного разоблачения, публичного опровержения и противодействия ей’ (экстремизм уподобляется растению, смерть которого наступает путем увядания).

Наш анализ обнаруживает низкую репрезентативность зоонимических метафор в контексте политической коммуникации: *‘young people are moving forward hungry for a better world’* – ‘молодые люди двигаются вперед, изголодавшиеся по лучшей жизни’ («*hungry beings*» – образ, характеризующий современное поколение молодых людей, испытывающих *‘жажду лучшей жизни’*).

Также немногочисленны случаи употребления метафор, связанных с переносом значения на растительный мир: *the root of so many of our challenges* – ‘корень (источник) многих наших проблем’; *will wilt and die* – ‘[идеология экстремизма] завянет и умрет’; *societies will flourish* – ‘общество будет процветать’.

Более репрезентативна в роли источника метафорических образов сфера неживой природы: *the shadow of World War* – ‘тень войны’; *the heart of darkness* – ‘сердце тьмы’; *path of diplomacy and peace* – ‘тропа дипломатии и мира’.

В политических метафорах в выступлении Б. Обамы на военную тематику весьма активно в качестве сферы-источника привлечены разного рода артефакты – технические механизмы, строения, предметы быта, транспортные средства и т. д.: *architecture, underground, tools, bridges, siphon, weapon* и др. (17 единиц, 39%). С отсылочными образами «построек» связаны такие метафоры как: *the prison of poverty* – ‘тюрьма нищеты’; *build new bridges of understanding* – ‘возводить новые мосты понимания’; *building an architecture of counterterrorism cooperation* – ‘возведение архитектуры контртеррористического сотрудничества’ и др.

Россия отрицательно предстает в свете «артефактного» сравнения в образе *a gun* ‘орудие, винтовка, пулемет’, но, как замечает говорящий, *small gains can be won at the barrel of a gun* – ‘под дулом пистолета можно одержать лишь скромные победы’.

В негативных «артефактных» образах *воинствующий экстремизм* предстает как: а) *a weapon* ‘оружие’: *terror is not a new weapon* – ‘террор – не новое оружие’; б) *network of death* – ‘сеть смерти’; в) *underground* – ‘подземка, подполье’ (*an extremist underground*); г) *the battlefield* – поле боя: *Those who have joined ISIL should leave the battlefield while they*

can – ‘Те, кто присоединился к ИГИЛ должен покинуть поле боя, пока еще не поздно’.

Артефактные отсылочные образы весьма продуктивны для создания косвенных метафор. Так, характеризуя действия российской стороны по (якобы) введению войск на территорию западной Украины, и тем самым *fueling violent separatists and a conflict that has killed thousands* («подпитывая» воинствующих сепаратистов и разжигая конфликт (букв. снабжая топливом)), говорящий апеллирует к отсылочному образу «gas station» – ‘заправочная станция, источник топлива’, инструментальная функция которой атрибутируется воинствующему по мнению Б. Обамы государству – России.

Обстановка в мире представлена Б. Обамой как *a cycle of conflict that could derail so much progress* – ‘цикл конфликтов, которые пустят под откос достигнутый прогресс’. В данной метафоре отсылочный образ «rail traffic» (‘железнодорожный транспорт’) – система рельсовых тяжеловесных транспортных средств, сбой в движении которых чреват чрезвычайной по масштабу и разрушительной силе катастрофой – используется для характеристики современной политической обстановки в мире, а *a cycle of conflict* (‘цикл конфликтов’) – механизм, способный «вызвать крушение».

Менее репрезентативна в анализируемой речи Б. Обамы группа антропоцентрических политических метафор, сферой экспансии при построении которых выступает человек в его физическом, психическом, социальном существовании (8 единиц, 18%).

Субъектам и объектам политической жизни активно атрибутируются действия людей в социуме. Так, политическая обстановка в мире – это *the test of this moment* ‘тест, экзамен, испытание’ для человечества; Америка как субъект политики – это *investor* ‘инвестор’, стремящийся к *investing American strength* ‘инвестировать американскую мощь’; а воинствующий экстремизм – это *exporter* ‘экспортер’, который стремится *export this violence* ‘экспортировать свою ненависть’.

Формированию категорично негативного образа воинствующего экстремизма способствует атрибутирование ему типично человеческих проявлений физического или психического нездоровья. Экстремизм – это: а) *the cancer of violent extremism* ‘раковая опухоль’, б) *madness* ‘безумие’, требующее противоядия (antidote): *these investments [programs to support entrepreneurship and civil society, education and youth] are the best antidote to violence*; в) *a pervert* ‘извращенец’, совративший величайшую мировую религию: *who has perverted one of the world's great religions*.

Как видим, наиболее репрезентативной сферой экспансии метафорических образов в речи Б. Обамы является **мир живой и неживой природы** в широком разнообразии прототипов, наименее эксплуатируемым источником метафорических характеристик является **человек** в его физическом, психическом и социальном существовании.

При этом из всех трех отмеченных проекций наиболее репрезентативными отсылочными образами являются: *в природе* – объекты «водной» сферы, *в мире человека* – болезненные состояния, *в мире артефактов* – постройки и транспорт. Подобные источники метафорического переноса создают преимущественно негативный результирующий метафорический образ.

Превалирование *природных* метафор в речи Б. Обамы, а именно актуализирующего ассоциирование с объектами и явлениями неживой (чаще) и живой (реже) природы (с заметным доминированием «водных» метафор), способствует созданию динамичного образа мира (современного мирового сообщества) как произвольной, неконтролируемой и неподвластной среды, что культивирует категорично отрицательную оценку реципиентом положения дел.

Замечено, что наиболее популярным в анализируемом выступлении объектом метафорической характеристики является портрет *воинствующего экстремизма* как агрессивной и воинствующей идеологии, антидемократичной формы политической деятельности, которая предстает как многослойный субъект политики в аспектах: а) экстремизм как идеология, б) экстремистская деятельность, в) пути противодействия экстремизму. Негативный метафорический образ воинствующего экстремизма в выступлении Обамы задается атрибутированием этому явлению порочных действий и нездоровых состояний физически или психически больного человека (безумие, раковая опухоль, развратить, опустошить).

Таким образом, в политическом дискурсе тот или иной метафорический образ мотивированно формируется как прагматический инструмент, воплощающий единство изобразительности, оценочности, экспрессивности и воздействующего эффекта. Создание символических фигур посредством метафорического моделирования есть не что иное как способ образной акцентуации отдельных аспектов отображаемых явлений с целью принуждения реципиентов к принятию определенных оценок, «диагнозов», суждений, политических «рецептов». Тем самым метафоризация политического медиадискурса представляет собой более совершенную и усложненную форму взаимодействия субъектов в пространстве политической

коммуникации, реализуемую вполне в духе эстетизации политической реальности.

Литература

1. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.
2. Сафонов, А.А. Стилистика газетных заголовков / А.А. Сафонов // Стилистика газетных жанров: монография; под ред. Д.Э. Розенталя. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – С. 205 – 228.
3. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 270 с.
4. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly (24.09.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-and-remarks>. – Дата обращения: 20.04.2015.